

Жун Лин начал: «Господин Цзыжань, в общем-то, до рукоприкладства не дошёл — он всё-таки несколько лет учился». Лицо его становилось всё мрачнее, брови сдвинулись в тугой узел. «Только крикнул что-то вроде „красотка“ и...»

Прошло немало времени, но посетители трактира так и не дождались продолжения, устремив на Жун Лина полные нетерпения взгляды. Под их пристальным вниманием на его лице появилась тень скорби, и он добавил: «...и легкомысленно обнял господина Юйцзэ за плечи».

Присутствующие переглянулись в изумлении. Такой прекрасный, почти небожитель — и его осмелился коснуться этот отвратительный тип? Это было просто невыносимо.

В трактире «Дымка и дождь» воцарилась мёртвая, пугающая тишина.

...

Примерно через время, за которое успевают остыть чашка чая, Чай Цзыхао вышел из ворот дома маркиза Синьу, держа в руках маленький белый фарфоровый пузырёк. Лицо его было мрачным. Чай Яньжань, ведя за руку съевшегося Чай Цзыжаня, подошла к брату, с улыбкой взяла пузырёк и начала наносить снадобье ему на лицо: «Видишь, как старший брат о тебе заботится? Ты больше не должен его сердить».

Чай Цзыжань украдкой взглянул на хмурого Чай Цзыхао, присел на корточки, спрятавшись за гораздо более низкой сестрой, и дрожащим голосом пробормотал: «Благодарю, братец».

Чай Цзыхао, увидев этот жалкий и трусливый вид, едва сдержал желание одним ударом оглушить его, затащить в тёмную комнату и запереть там лет на десять, чтобы отбить охоту шалить. Но как опора дома маркиза Синьу, он сдержал порыв и, оставаясь мрачным, спросил: «И что ты теперь намерен делать?»

Чай Цзыжань, уже весь чёрный от злости, не мог выплеснуть ярость, хоть и был несправедливо избит. Скрежеща зубами, он прошипел: «Я собираюсь разоблачить этого подлеца и разорвать ему глотку».

Чай Яньжань поддержала его: «Хотя в нашем государстве нравы и свободны, не все могут принять связь между мужчинами. Ты ещё не успел завоевать расположение господина Юйцзэ, и если молва разойдётся, тебе будет только хуже. Действительно, нужно проучить этого негодяя». Она присела, автоматически закатала штанину Чай Цзыжаня и, увидев на его белой коже переплетение свежих и старых ссадин, привычно начала обрабатывать раны, а в голосе её зазвучал упрёк: «Жун Лин, несомненно, твой главный соперник. Он знает, что не может сравниться с тобой лицом, вот и пускает в ход такие уловки, чтобы запятнать твоё имя. Не смей его недооценивать!»

Чай Цзыхао мрачно добавил: «Репутация у него и так никудышная».

Чай Яньжань вскочила с земли, возбуждённо воскликнув: «Пусть у Ажана и нет доброго имени, зато он красавец, и Жун Лин никогда с ним не сравнится!» Она сунула маленький белый пузырёк брату в руки и крепко сжала его пальцы: «Ажан, три года назад, когда Жун Лин попался на мошенничестве на государственных экзаменах, его спас именно господин Юйцзэ. Не сомневайся, он давно уже поклоняется его белым одеждам. Будь настороже!»

Чай Цзыхао закрыл лицо руками, чувствуя, как голова готова расколоться. Ситуация и так была достаточно сложной, а теперь ещё и сестра ввязалась. Он отвёл Чай Цзыжаня в сторону и, глядя на него исподлобья, сказал: «Мо Цзюцзюнь явно неравнодушен к Юйцзэ. Думаю, тебе

лучше укатить в деревню и залечь на дно».

Чай Цзыжань вздрогнул: «Живой Яма?»

Чай Яньжань хлопнула себя по лбу, сердито ругнувшись за забывчивость, и, устремив на брата полный беспокойства взгляд, напомнила: «Вот это — твоя главная головная боль».

У входа в трактир «Дымка и дождь» два ярко-алых фонаря качались на ветру. Над головой Чай Цзыжаня было ясное небо, а под ногами — редкие, только что пробившиеся травинки. Его лицо пылало от злости, щёки были красными и опухшими, а длинный красный халат, подобно летней реке, тяжело ступал по едва проклюнувшейся зелени.

Когда знакомый алый силуэт вновь предстал перед посетителями трактира, все, кто только что яро поносил Чай Цзыжаня, разом прикусили язык.

Как бы Чай Цзыжань ни был беспутен, он оставался сыном покойного генерала-основателя и названным братом самого императора. Просто так оскорблять его они не смели.

Чай Цзыжань пристально уставился на Жун Лина, восседавшего в центре зала за чашкой чая и горстью арахиса. Тот как раз поднял голову, отхлебнул глоток обжигающего напитка и бросил вызывающий взгляд. Гнев в сердце Чай Цзыжаня, подобно бурному потоку, выплеснулся наружу. Он быстрыми шагами подошёл к нему, выхватил арахис из-под его палочек и высыпал содержимое маленького блюдца себе в рот, выпучив глаза, словно намеревался вытянуть из соперника душу.

Жун Лин усмехнулся: «Господин Цзыжань, неужели, не сумев соблазнить, перешли к угрозам?» Соблазнял он Лоу Юйцзэ, а угрозы предназначались самому Жун Лину.

Чай Цзыжань, сдерживая ярость, не мог поверить, что на свете есть кто-то бесстыднее его. В гневе он рявкнул: «Я всего-то ляпнул, что ты на экзаменах мошенничал! Всего-то пару раз обозвал уродиной! Я же правду говорил! Зачем тебе чёрное белым делать, а белое — чёрным?!»

Жун Лин, будучи отъявленным негодяем, должен был бы огрызнуться и нагородить всякой чепухи, но вместо этого он серьёзно поднялся, почтительно поклонился в сторону Чай Цзыжаня и с подчёркнутой почтительностью произнёс: «Приветствую господина Цзюцзюня».

Затем все посетители трактира встали, склонились в поклоне и сложили руки в приветствии: «Приветствуем господина Цзюцзюня».

Чай Цзыжань, не поворачивая головы, почувствовал, как холодная волна опавшего на сердце воздуха сковывает его. Стиснув зубы, он вынужден был низко поклониться и пробормотать: «Приветствую господина Цзюцзюня». Всего день не видел этого типа, а его и без того ледяное лицо стало ещё бесстрастнее. Возможно, дело было в одеянии: сегодня на нём была серебряная волчья корона и чёрный парчовый халат, на груди которого серебряными нитями была вышита оскаленная пасть свирепого волка — зрелище пугающее.

Мо Цзюцзюнь даже не поднял век. На то, что посетители всё ещё застыли в почтительных позах, он не обратил ни малейшего внимания.

— Ты назвал Юйцзэ «красавицей»? — спросил он Чай Цзыжаня.

У того по спине пробежал холодок, а сердце ёкнуло. Он украдкой взглянул на сохранявшего

серьёзный вид Жун Лина и подумал: «Так вот ты как! Подстроил». Ежедневно через Врата Цинхуа проходили сотни торговцев и разносчиков. Солги он сейчас — и Жун Лин мигом предъявит свидетелей. Пришлось признать: «Назвал».

Мо Цюцзюнь медленно поднял свои драгоценные веки. Его тёмное, непроницаемое лицо повернулось к Чай Цзыжаню, а холодные, безжизненные глаза уставились на него не мигая.

— А плечо его обнял? — прозвучал новый вопрос.

По форме это был вопрос, но из уст Мо Цюцзюня он прозвучал как непреложный факт.

Чай Цзыжань, с его покрасневшими и опухшими щеками, забегал глазами, но подходящей лжи придумать не сумел.

— Обнял, — буркнул он.

Едва слова сорвались с губ, он дрожаще поднял взгляд и на мгновение встретился глазами с Мо Цюцзюнем.

Тот был крепкого сложения, широк в плечах, статен — в годы, когда полагалось быть полным сил, он казался не по годам суровым и непоколебимым. Черты его красивого лица были будто высечены из камня — чёткие, правильные, но застывшие в одном выражении, лишённые жизни. Встретиться с ним в темноте — и, кроме движущихся губ, ничего не разглядишь. Жуть.

Чай Цзыжань почувствовал, как его пробрала дрожь. Не от страха, а от ледяной ауры, исходившей от Мо Цюцзюня, — той особой, нечеловеческой стужи.

— Зачем ты приставал к Юйцзэ? — спросил Мо Цюцзюнь.

«Я не приставал», — мысленно вздохнул с облегчением Чай Цзыжань. Хорошо ещё, что этот Живой Яма задаёт вопросы, а не принимается сразу лупить, как его братец. Хотя братца он всё же предпочитал — возможно, оттого, что безжизненное лицо Мо Цюцзюня, которое он видел уже не раз, наводило на него тоску.

Мо Цюцзюнь холодно бросил:

— Не приставал? Тогда зачем вёл себя столь легкомысленно?

Чай Цзыжань снова оказался в тупике. Он просто не выносил, когда кто-то носил фальшивую улыбку, сам того не замечая, и хотел его осторожно вразумить. Но выскажи он сейчас правду — и Мо Цюцзюнь наверняка прийдёт его на месте. Размышляя об этом, он поднял глаза на мрачные черты Мо Цюцзюня, всё никак не понимая, чем же Лоу Юйцзэ сумел привлечь его внимание.

Заставить Мо Цюцзюня так за него заступаться.

Видя, что ответа нет, Мо Цюцзюнь слегка приподнял бровь. Два телохранителя молниеносно обнажили мечи и скрестили клинки у самой шеи Чай Цзыжаня. Шевельнись тот — и либо кровища хлынет, либо голова с плеч слетит. Чай Цзыжань украдкой глянул на Жун Лина — тот стоял ещё неподвижнее, согнувшись в почтительном поклоне, но Чай Цзыжань с первого взгляда понял: парень просто давится от смеха. Он вздохнул и, сделав вид, что всё в порядке, заговорил панибратски:

— А-Цзюнь, мы же с тобой друзья. К чему такие крайности?

Мо Цзюцзюнь холодно ответил:

— Не помню такого.

<http://bllate.org/book/15931/1423805>